

Арина Ларина

Три мушкетерки

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Три мушкетерки

«ЭКСМО»

2011

Ларина А.

Три мушкетерки / А. Ларина — «Эксмо», 2011 — (С улыбкой о любви)

Это только в кино свадьба лучшей подруги – огромное событие в жизни любой представительницы прекрасного пола. В жизни все иначе. Подумаешь – свадьба! Чего мы там не видели! Вот развод подруги – это да! Ведь если подруга развелась, значит, можно начать устраивать ее судьбу. Ни одна женщина не потерпит, чтобы судьба подруги оставалась неустроенной. Вика, Лена и Аня дружили со школы и о том, что такое женская дружба, знали не понаслышке. Поэтому как только у одной из них случались неприятности, подруги немедленно активизировались, чтобы причинить ей добро и нанести пользу.

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Арина Ларина

Три мушкетерки

Пролог

– Вика! Вик! Ну, пошли уже! – Лешка Пешеходов вихлялся тощим телом в сумерках школьного коридора. Судя по блатной хрипотце, предательски срывающейся на петушинный дискант, Лешка в данный момент ощущал себя очень взрослым и крутым. Впрочем, как и все сегодняшние выпускники.

Первая ночь взрослой жизни. До свидания, школа...

– Вика, я долго ждать-то буду? – Пешеходов нагло сплюнул на пол и сразу воровато затер следы преступления ботинком. Резко перейти из опасливой зависимости от уборщицы тети Фаи к безграничной уверенности в собственной силе и правоте дано не каждому.

Виктория Цаплина нехотя прыгнула с подоконника и под напряженными взглядами подруг прошествовала к Лешке. Пешеходов подобрался и горделиво выставил вперед тощую ногу с мосластым коленом, подрагивавшим под тонкой тканью брюк. Правый локоть он предусмотрительно отодвинул, вероятно, рассчитывая, что мадемуазель Цаплина зацепится за него, как покорная баржа, и поплывет рядышком, млея от его внимания.

– Слушай, Леша! – Виктория проигнорировала локоть, притормозив в метре от нахального ухаера и смерив его жалостливым взглядом колхозницы, размышляющей, пустить петуха на суп или на жаркое. – Вот пойду я с тобой, и дальше что? Что ты со мной делать-то будешь? Ты вообще в курсе, что с женщинами делают?

Пешеходов так далеко не загадывал. Он любил мыслить текущими категориями, не просчитывая варианты. Тем более что парни наперебой хвалились легкими победами, из чего следовало, что девушку надо лишь позвать, а дальше все получится само.

Цаплина разрешала носить свой портфель, принимала мелкие подарки и даже пару раз позволила целовать себя. Из этих незначительных фактов Леша сделал неправильные выводы. За что и поплатился.

– Ты... того... – набычился Пешеходов и покосился на Викиных закадычных подружек, напряженно вытянувших шеи и обратившихся в слух. Обе курицы настроили локаторы и уже смаковали подробности завтрашних сплетен. Лешка злобно шмыгнул и прокукарекал: – Не сомневайся, знаю я, что с женщинами делают!

– Молодец, – похвалила Цаплина. – Иди, пять.

Пешеходов машинально пискнул «спасибо» и даже чуть не ушел, но в спину ударило гаденькое хихиканье. Лешка тормознул, величественно обернулся, едва не вывихнув тощую шею, и презрительно процедил:

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним. – И он откланялся, мерно постукивая по линолеуму каблуками новых ботинок. Следом за ним семенило тусклое пугливое эхо.

Если бы Пешеходова кто-нибудь спросил, на что он намекал своим драматическим пассажем, Леша вряд ли смог бы внятно объяснить. Ничего он в виду не имел, но получилось как-то зловеще и непонятно.

– Чего это он? – поежилась Лена, пожав полными плечами и поправив декольте, плавно переходившее в неприлично короткую юбку. – Каркнул и ушел, все настроение испортил.

Три закадычные подруги недоуменно и опасливо смотрели вслед Пешеходову, а тот, словно подгоняемый их неодобрительными взглядами, внезапно ускорил шаг и перешел на иноходь, скрывшись во тьме. Где-то далеко, в актовом зале, гремела дискотека, напивались уже бывшие одноклассники и назревали последние драки.

– Ну, мы ему тоже настроение-то подпортили, – справедливо заметила Аня Кочерыжкина, самая маленькая, непрезентабельная и рассудительная из троих.

Их тройка сложилась еще в первом классе. Одни дружат по интересам, другие сходятся из корыстных соображений, а этих совершенно разных девчонок объединило место проживания. Когда изо дня в день ходишь в школу и возвращаешься домой по одной и той же дорожке, поневоле начнешь общаться.

Главной в их трио была Вика Цаплина: рыжая, самоуверенная и умная. Она не была красивой, но вела себя так, что отсутствие модельных данных отходило на второй план. Виктория была эффектной. Во всяком случае, так говорила Ленка.

Ленка Ковальчук была вторым голосом в этом трио, второй скрипкой. В общем, не на главных, но и не на последних ролях. Ковальчук отличалась сочной дебелий красотой сельской девахи, неизвестно какими путями попавшей в каменные джунгли современного города. Особым умом Ленка не блистала, но и душой не была, особенно по части жизненной смекалки.

Третьей в упряжке являлась Аня Кочерыжкина, удивительно и безнадежно соответствовавшая своей непрезентабельной фамилии – низкорослая, крепенькая и блеклая. Женственности в ней тоже было примерно столько же, сколько в кочерыжке. Зато Кочерыжкина была почти круглой отличницей и принципиальной девицей. Из таких получаются замечательные партийные фигуры – непримиримые и упертые. У них нет возможности растрчивать душевные и эмоциональные силы на всякие любовные переживания и терзания, поэтому сэкономленные резервы подобные барышни пускают на борьбу за правое дело. Кочерыжкина еще не нашла себя, но уже была близка к тому, чтобы прибиться к партии защитников бездомных животных. Останавливало лишь категорическое нежелание мамы и бабушки превращать квартиру в филиал живого уголка, заполненный брошенными кошками и собаками. Тем более что первая кошка, притащенная Анной со двора, разодрала не старый еще диван, поцарапала бабушку, а ночью орала так, что пришли соседи. Среди соседей оказалась и безутешная хозяйка утерянного животного, вместо благодарности обвинившая Кочерыжкиных в краже своего плешивого сокровища.

Троица дополняла друг друга, как пазлы из одного набора. Они столько лет изо дня в день находились вместе, что «завтра», надвигающееся словно асфальтовый каток без тормозов, казалось концом жизни.

Больше не придется ходить вместе в школу, сплетничать, строить планы. У всех уже все построено в соответствии с жизненными установками и выбранными приоритетами.

– Представляете, я на филфаке буду учиться, – без сожаления проводив взглядом Пешехова, протянула Вика. – Там такая публика – ого-го.

– Ты поступи сначала, – ухмыльнулась Лена. – Туда конкурс, говорят, зашкаливает. Так тебя там и ждут.

– Да, конкурс дикий, – подтвердила Цаплина, потрянув рыжим хвостом и небрежно-отточенным жестом откинув челку. Никакой озабоченности в ее голосе не прозвучало. И немудрено. Материальное положение семьи Цаплиных позволяло обойти любые конкурсы, не устраивая любимому чаду потрясений.

– С чего ты взяла, что уже вписалась в тамошнюю компанию? – ревниво наседала Лена. – Вот с чего? Это тут ты была прима-балерина, а там таких балерин со всего города набегит.

– Лен, а тебе-то какая разница? – Кочерыжкина выразительно вытаращила глаза и пошевелила бровями.

Брови у Анны росли белесыми кустиками, а глаза, даже будучи старательно вытарашенными, оставались маленькими и тусклыми. Косметику, которая могла бы отчасти заретушировать недоработки матушки-природы, Кочерыжкина не признавала категорически, утверждая, что от краски портится кожа, выпадают ресницы и появляются ранние морщины. Подруги

тщетно пытались переубедить Кочерыжкину, от всей души по-женски намекая, что портить-то особо нечего. Анна парировала цитатами из бабушкиных афоризмов, мол, женщина ценна естеством. Впрямую обижать одноклассницу Лена и Вика не решались, а потому быстро отставали, многозначительно переглядываясь.

Ковальчук спрыгнула с подоконника, подтянула чулки, любовно осмотрев мощные ляжки, и назидательно ткнула в Вику пальцем:

– Цаплина, кончилась наша лафа. Во взрослой жизни все будет иначе. Твоя мама больше не в родительском комитете, поэтому рассчитывать придется только на себя.

– Я не пойму, – Виктория насупилась, – тебе завидно, что ли? Чего ты привязалась?

– Я по-дружески, – обиделась Ленка. – Кто-то же должен открыть тебе глаза.

– Девочки, давайте не будем ссориться. Пусть у нас все получится. Пусть все мечты сбываются, – примирительно схватила подруг за руки Кочерыжкина.

Те, как по команде, уставились на нее.

– Слушай, Кочерыжкина, – с сочувствием поинтересовалась Вика, – а вот ты о чем мечтаешь? Ты вообще о чем-нибудь мечтаешь?

– Да. – Аня густо покраснела, в связи с чем была превратно понята Ленкой, радостно захохотавшей и начавшей ее тискать от избытка чувств.

– Ну-ка, ну-ка! – надрывалась Ковальчук, тряся бывшую одноклассницу, как яблоню в период сбора урожая. – Что это мы так алеем? Неужели мужинка появился?

– Ты, Лена, дура, – спокойно и беззлобно вывернулась из пухлых Ленкиных рук Кочерыжкина. – У тебя мысли не в ту сторону намагничены.

– У меня мысли очень даже правильно намагничены, – возразила Ковальчук. – Женщина в первую очередь должна думать о личном счастье. А личное счастье женщины – личный мужчина. Или несколько личных мужчин. Эх, вот мне бы гарем из мужиков, но чтобы они все утром на работу уходили. А вечером с зарплатой и подарками возвращались. Вот, по идее, на Востоке так и есть. У мужика несколько жен, и все наперебой услужить пытаются. По аналогии, раз мы на Западе, должно быть наоборот: жена одна, а мужей несколько. И тоже должны пытаться услужить. И морду, между прочим, тряпчочкой занавешивать, чтобы посторонние тетки на моих мужиков не зарились. Мое – это только мое. Эх, тиранка я, девчонки. И собственница!

– Нет. Счастье – это независимость, девочки! – воскликнула Вика. – Карьера, работа, деньги. Чтобы сама себе была хозяйкой. Чтобы уважали, ценили. Чтобы мужчины к ногам падали, а ты выбирала. Или не выбирала. По настроению.

– Подожди со своими теориями, Цаплина. Видишь, у нас тут Анька вся разалелась, как маков цвет. Сейчас что-нибудь выдаст, чтобы мы в осадок выпали. Давай, Кочерыжкина, потряси мое воображение. О чем ты размечталась?

– Хочу в педагогический поступить. Детишек буду учить, – улыбнулась Аня. – Своих-то у меня, наверное, не будет.

Повисла неловкая пауза.

– Почему не будет-то? – спросила, наконец, Ковальчук. – Может, интеллигент какой-нибудь близорукий одноразово попадет. Я бы тебе замуж порекомендовала хотя бы временно сходить, чтобы фамилию свою дикую поменять. Не имеет права женщина жить с фамилией Кочерыжкина. В этом есть какая-то аномалия.

– Да я сама сплошная аномалия, – грустно усмехнулась Аня.

Она все чего-то ждала, но подруги уже начали щебетать, снова строить планы, ссориться. Потом все вдруг резко устали, написали друг другу на память всякие глупости в дневниках и разбежались по домам.

Детство закончилось.

Своя маленькая беда всегда переживается острее чужого несчастья. Потому что она своя. И своя проблема кажется более значимой, весомой и глубокой, чем горе ближнего. Чужая рана не болит.

Иногда так просто протянуть руку тому, кто рядом, но мы слишком заняты собой. И тогда судьба, споткнувшись о крохотную выбоинку, внезапно меняет траекторию движения.

Часть I

Аня с любопытством и легкой брезгливостью разглядывала свое отражение в старом зеркале. Даже не разглядывала, а изучала, как диковинного мерзкого жучка с неправильным количеством лапок и усов. И раздавить страшно, и смотреть противно. Потускневшее от времени зеркало, знакомое каждой шербиной, паутиной трещин в углу и обшарпанной рамкой, ничего нового не отражало. Да она уже и не надеялась уловить там хоть что-нибудь обнадеживающее.

Анна Кочерыжкина давным-давно не верила в сказки и прекрасно знала, что никаких чудес старое зеркало не преподнесет. Если только добьет какой-то пакостью вроде вулканической бородавки на носу или, например, выпавшим зубом. И будет она натуральная Баба-яга. Хотя такую красоту уже ничем не усугубишь.

Приступы ненависти к себе просыпались всегда в канун праздников, когда по закону жанра женщине полагается быть красавицей. Чтобы мужчины ахали, охали и дарили цветы. Или мучительно складывали корявые слова в комплименты. В общем, когда предполагалось произвести на сильный пол хоть какое-то впечатление.

Сегодня был именно такой случай. Международный женский день. Лучших студенток пригласили на спонсорскую вечеринку. Четверокурсница Анна Кочерыжкина чудом оказалась среди избранных. Хотя чуда-то никакого не было, она уверенно шла на красный диплом. И пригласительный билет на весенний бал ей вручили одной из первых.

– Мне лучше деньгами, – уперлась Аня, пытаясь увильнуть от выпавшей чести.

Секретарша декана хихикнула и пояснила:

– Кочерыжкина, деньгами не лучше. Во-первых, спонсорам надо показать хотя бы одну вылитую училку, а то наши девицы похожи на кого угодно, только не на педагогов. Ты их должна уравновесить своим правильным моральным обликом. Во-вторых, это шанс.

– Какой шанс? Работу получить?

– Варезка! Мужа найти! Знаешь, какой ажиотаж из-за этих приглашений? Девки дерутся из-за них, «хвосты» по предметам подтягивают, декану бедному прохода не дают, совратить норовят, нашего-то Михал Дмитрича с его простатитом, артритом и двумя инфарктами!

– Так, может, я свое приглашение продам? – тоскливо произнесла Аня.

Деньги ей нужны были мучительно и остро. Вся стипендия ушла на лекарства для медленно впадавшей в старческое слабоумие мамы, а в холодильнике разве что ветер не свистел.

– Даже не думай! Ты должна выйти в начале вечера и поблагодарить спонсоров за поддержку, ну и так далее. Речь я тебе подготовлю. Кстати, ты знаешь, сколько народу боролось за право выйти на сцену и показать себя?

– Так им, наверное, есть что показывать, – мрачно предположила Кочерыжкина. – А мне нечего.

– Анна, ты обязана использовать шанс!

– А вам-то это зачем? – обозлилась Аня. Надеть ей было нечего, перспектива повеселить собравшихся своей убогой внешностью тоже не вдохновляла.

– Из человеколюбия, – подумав, пояснила секретарша. И на ее физиономии проступили гордость и абсолютное довольство собой. Вероятно, она млела от избытка самоуважения и осознания собственной бескрайней доброты.

– Ладно, хоть поем, – пробормотала Аня, нехотя запихивая приглашение в полиэтиленовый мешок, заменявший ей сумку.

Человек – животное, которое ко всему привыкает. И к хорошему, и к плохому. Пинки и тычки судьбы тоже со временем можно научиться воспринимать как должное. Любого, даже

самого сильного индивидуума можно запросто превратить в покорную скотину, подставляющую тощие бока под удары судьбы.

Аня никогда не была сильной. Ее ломали, и она покорно ломалась, крошась в мелкую труху нереализованных надежд и убогой безысходности. Нет денег, нет внешности, нет перспектив, нет шансов...

Отца она не помнила. Конечно, по логике, в маминой жизни должен был быть некий мужичок, расщедрившийся на один сперматозоид, но то ли исходные данные у него оказались жалкими, то ли судьба у Ани была такая – взять от обоих родителей все самое плохое, – так или иначе девушка не уродилась.

«Не уродилась» было любимым словом бабушки, сокрушенно качавшей головой и жалостливо утиравшей слезящиеся старческие глаза замусоленным платком. На внучку она всегда смотрела как на юродивую и сочувственно бормотала:

– Вот бедолажка.

Пока Аня была маленькой, ей казалось, что бедолажка – это что-то вроде ее старого плюшевого медведя с двумя лапами вместо четырех, торчащей вместо носа ниткой и одним глазом. Она и себя видела таким же покалеченным жизнью мешком с опилками.

Мама тоже оптимизма не добавляла, вбивая в послушную Анечку простую и очень верную, как представлялось родительнице, истину: с такой внешностью ловить в этой жизни нечего. Маме, наверное, не хотелось, чтобы дочь выросла и разочаровалась в своих мечтах, поэтому и мечтать ей категорически не позволяла.

Если мешок слишком туго затянуть с одной стороны, то с другой он может лопнуть.

Так и случилось с Анечкой.

Чем больше ей вдалбливали мысль о собственном убожестве, тем ярче становились ее мечты и фантазии. Она придумала себе иной мир, другую жизнь, где не было места жалкой, бедно одетой, прыщавой тинейджерке. Там она была всем королевам королева, и именно возможность ухода в свой мир, наверное, и позволила Ане не сойти с ума под гнетом окружающей действительности. А действительность давила и плющила, превращая судьбу в выжатый капустный лист.

Комплексы сжирали ее, как голодная гусеница, вгрызающаяся в свежее яблоко. Содрогаясь от обиды и несправедливости и до истерических судорог опасаясь, что ее переживания однажды раскроются, Аня сначала робко, а потом смелее принялась подшучивать над своим несовершенством. Она просчитала все верно: если человек сам над собой смеется, то окружающим уже не поупражняться в остроумии на этой территории.

Но в душе Анна еще ждала, что хоть кто-нибудь возразит, замашет руками, ужаснется тому, что она про себя говорит, начнет спорить. Она ждала, что кто-нибудь разглядит хотя бы ее измученную и прекрасную душу под невзрачной блеклой оболочкой. Но никому не было до нее дела.

Четыре года назад на выпускном Аня загадала: если хоть кто-то скажет ей, что еще не все потеряно, что все неправда, тогда, может быть...

Чего не может быть, того никогда и не будет.

Чуда не произошло.

В жизни чудес не бывает. Пакости – это да, сколько угодно, а вот чтобы от фортуны отломился кусок позитива – это не для таких, как Аня Кочерыжкина.

– Симпатичное платьице, – умилилась мама, выглядывая из-за Аниной спины и поправляя пожелтевшие рюши на заношенном воротничке.

Чудовищное платье, серое, в горошек, словно старая, зажившаяся на этом свете моль, выползшее из шестидесятых годов, могло привести в восторг лишь человека с нездоровой психикой.

Аня устало покосилась на родительницу. Сколько она себя помнила, в маминой жизни никогда не появлялись мужчины, даже намек на какого-то удаленного кавалера не возникало. И Анна стала бояться, что отсутствие мужчин чревато не только прыщами, но и перспективой превратиться в такую же полусумасшедшую старуху, как ее мать.

По дороге на вечеринку Аня Кочерыжкина, как всегда, переключилась на иную реальность. В последнее время она все чаще эти реальности путала, не сразу ориентируясь, на каком она свете, и вызывая недоумение у окружающих. Иногда Аня подозревала, что тоже, как и мама, тихо сходит с ума. И мысли эти оптимизма не прибавляли.

– Девушка, у вас карточка? – крикнул над ухом злой и раздраженный мужской голос.

В мечтах Аня ехала вовсе не в переполненном троллейбусе, а в роскошном лимузине. Рядом маячил смутный, не продуманный до конца образ спутника. Этот образ оставался туманным и неоформленным на протяжении последних нескольких лет, поскольку Ане Кочерыжкиной было абсолютно наплевать, каким будет ее первый мужчина. Лишь бы вообще был. Когда шансы равны нулю – не до разборчивости.

Аня не сразу сориентировалась, успев даже мельком пожалеть побитого жизнью кондуктора. Наверное, нестарому еще мужику не доставляет удовольствия кататься целыми днями в троллейбусе и вылавливать «зайцев». Получается, его судьба тоже не особо осчастливила. Именно поэтому Аня, взглянув на кондуктора кротким взглядом умудренной жизнью доброй феи, ласково протянула:

– Зачем вы так? Жизнь прекрасна. Давайте будем добрее друг к другу.

– Добрее? – желчно переспросил мужик и с удовлетворением старого мазохиста попытался: – Значит, «зайцем» едем. Ты у меня сейчас тут поюродствуешь! А ну, покажь карточку!

Ближайшие пассажиры тоже не оценили пассаж Анны про добродетель и человеколюбие.

– Человек цельными днями тут крутится как белка в колесе, а она еще издевается, – прошамкала благообразная бабулька в криво повязанном платке.

– Да сектантка это, – поджала тонкие губы чернобровая дама лет пятидесяти. – У меня самой соседка такая. Была. Все про птичек да про свет щебетала. А потом мужа зарезала.

– Вашего? – заинтересованно влез в разговор дед с испитым лицом, выдохнув в веселую атмосферу троллейбуса густой запах перегара. – Вот горе-то! Небось теперь в хозяйстве и гвоздь забить некому!

– Вот еще! – Чернобровая брезгливо отодвинулась. – У меня в жизни никакого мужа не было. Не хватало еще содержать в квартире грязное, жрущее и пьющее животное!

– А ну, дамочка, ты тоже предъяви билет! – проявил половую солидарность кондуктор, видимо, обидевшись на «животное».

Не дожидаясь развития скандала, Аня выскользнула на улицу. Окружающие ее не понимали, а она не понимала окружающих. В общем, на лицо была ее ярко выраженная чужеродность окружающей действительности. Она чувствовала себя как ананас на елке, как пирожное в борще и как плакальщица на свадьбе.

Разумеется, однокурсницы косились на нее с презрением и жалостью. Аня так и не привыкла к подобным взглядам, и не замечать их было выше ее сил. Можно лишь делать вид, будто ей безразлично, в душе содрогаясь от жалости к себе. Злости не возникало. Кочерыжкина понимала: люди не виноваты в ее убожестве. Виновата она одна. А на себя злиться не получалось. И так жить больно, чтобы еще добивать себя самобичеванием.

Музыка гремела, расфуфыренные студентки щебетали, а Анна с упоением наедалась, компенсируя моральный ущерб от выступления. У спонсоров она вызвала недоумение. Особенно ярко Аня Кочерыжкина выделялась на фоне однокурсниц. Как клякса на белой праздничной скатерти. А ведь по дороге сюда она даже отважилась помечтать о некоем эффектном джентльмене в смокинге, с умным проницательным взглядом, который вдруг разглядит в ней...

хоть что-нибудь. Джентльменов в зале было пруд пруди, но разглядывали они своими умными пронзительными взглядами вовсе не то, на что рассчитывала Аня. Измельчал нынче мужик и отупел, всех тянуло на физиологию. А в Ане физиологию можно было разглядеть разве что под лупой.

Только вот лупы ни у кого с собой не оказалось.

Вика лениво перелистывала каталог. То, что было модно в этом сезоне, не гармонировало с ее голубовато-бледной кожей и темно-рыжими волосами.

– Загореть, что ли? – задумчиво протянула она, бережно тронув высокие скулы. – Нет, тогда веснушки опять вылезут и будет натуральный колхоз.

– Вика, ты бестолочь! – радостно засмеялась Ленка Ковальчук, воодушевленно вышагивавшая вдоль дивана в нижнем белье. Белье – дорогое и пикантное, Ленка тоже ничего. Крупное тело, здоровенная грудь и румянец во всю щеку. При взгляде на ее прелести в голову приходило определение «дебелая». Но не шибко образованная Ковальчук на такое определение обижалась, усматривая намек на дебилность. – В веснушках самый смак. Так ты просто смазливая девчонка, все на месте, как у всех, а с веснушками – самый писк. Я бы вот специально себе пририсовала, чтобы мужики от меня тащились.

Вика фыркнула. Если ее породистое лицо веснушки еще могли как-то украсить, то беспородную Ковальчук превратили бы в посмешище. Фрося Табуреткина из деревни Малые Утюги.

– Жаль, в этом году люрекс не в моде. Мне нравилось, – вздохнула Ленка и снова принялась наматывать круги по комнате. – Блестишь себе, а мужик, как окунь пучеглазый, клюет на все, что шевелится и блестит.

– Таким образом у тебя появилась возможность отсеять всех пучеглазых претендентов с рыбьим интеллектом, – порадовала подругу Вика. – Без блесков на тебя может клюнуть кто-нибудь посолиднее.

– Так ведь они все, паразиты, срываются! – поддержала рыбацкую тему Ковальчук. – Получат что надо – и в тину, к своей икре и селедке!

– А ты не давай что надо. Сама виновата.

– Я девушка наивная и доверчивая. А они пользуются, – изобразила обиду Ленка. – Наобещают золотых гор, а сами под юбку смотрят. Им же больше ничего не нужно!

– Так ты им больше ничего и не предлагаешь!

– Я сразу замуж предлагаю. Вазгена помнишь?

– Нет.

Иногда тупость Ленки доводила Вику до белого каления. А еще чаще из-за Ленкиной неразборчивости и Виктория попадала в двусмысленные истории. Вазгена она, безусловно, помнила, хотя предпочла бы забыть. Умопомрачительный восточный красавец, взгляд с поволокой, постоянная улыбка и литые мускулы под белой шелковой рубахой. Они столкнулись у входа в ресторан, и все получилось, как в дешевом сериале. Вике понравился Вазген, Вазгену – грудастая Ленка, а Ленке лысоватый спутник Вазгена. Ковальчук давно вывела свою ни на чем не основанную теорию перспективности кавалеров: из предложенных вариантов следует выбирать самого солидного, несимпатичного и закомплексованного, именно сочетание вышеперечисленных качеств, собранное в одном мужчине, гарантирует его подходящесть для семейной жизни. Научно обоснованные доводы в Ленкиной теории отсутствовали, но она была последовательна и верна своему заблуждению. Проигнорировала красавца Вазгена, начав строить глазки плешивому златозубому толстяку, которого ничего, кроме еды, в том ресторане не интересовало. Вика оживилась и принялась взволнованно трепетать ресницами, косясь на Вазгена, но тот увивался вокруг Ленки и с ней же и уехал. На прощание Вика злобно напомнила подруге про ее теорию, но Ковальчук лишь развела руками и высказалась в том плане, что, мол, не обижать же приятного мужчину. Плотно поужинавший толстяк ожил и стал проявлять недву-

смысленные знаки внимания, норовя затолкать мадемуазель Цаплину в свой кабриолет. С трудом отделавшись от неинтересного кавалера, униженная и оскорбленная Вика уехала домой на такси, а на следующее утро с плохо скрываемым злорадством выслушивала стенания Ленки по поводу вероломства восточного красавца. Вечером он обещал жениться, а утром испарился, оставив на память пятьдесят долларов.

– Нет, ты мне объясни, почему пятьдесят? – всхлипывала Ленка. – Может, это намек?

Поддавив желание сообщить подруге, что она больше не стоит, Вика промямлила, что надо было не отступать от теории и окучивать толстого.

– Так вот, я Вазгену тогда сразу сказала: сначала свадьба и калым, а потом уже супружеский долг! И что в результате? Даже восточный мужчина нарушил традиции! А ведь у них принято соблюдать формальности, а потом уже все остальное!

– Ну, так и ты была не особо последовательна, – намекнула уязвленная Вика. – Если уж ты говоришь, что сначала свадьба, то и терпи до ЗАГСа.

– Ха! Ну ты наивная! Я-то потерплю, а где ты видела такого жениха, чтобы ждать согласился? У них же нижняя часть мозга быстрее верхней работает. Это у женщин правое и левое полушария. А у мужиков – нижнее и верхнее. Последнее иногда вообще отсутствует или не функционирует. Ущербные они, мужики-то. – Ковальчук по-бабьи пригорюнилась, не забывая активно перебирать ногами.

– Ленка, хватит уже сквозняк устраивать. Сядь, не мельтеши!

– Не могу. У меня фитнес! Вот выйду замуж за олигарха, накоплю себе всяких тренажеров, а пока буду так суетиться. Икроножные мышцы надо держать в тонусе. Я вот сейчас еще отжиматься буду, – пригрозила Ленка и подпрыгнула.

Мебель в Викиной квартире чутко отозвалась на Ленкин маневр, утробно грохнув, лягнув и звякнув всем содержимым.

– Соседей не пугай, слониха, – вздохнула Вика. – Где ты олигарха-то возьмешь?

– А ты меня познакомишь. Вокруг твоего папы всякие бизнесмены выются. Неужели никто не заинтересуется молоденькой и хорошенькой барышней? Нужно предлагать себя, пока свежа. А то скоро перезрею и потеряю товарный вид. Зато у меня на лбу написана хорошая наследственность. От таких, как я, дети рождаются крепкие и здоровые. У нас с тобой типажи разные, из-за мужика точно не подеремся. Кому-то кобылы вроде меня нравятся, а кому-то тощие газели, как ты.

– Это комплимент? – уточнила Вика. Ей не нравилось, что Ленка обозвала ее тощей. Дворянская бледность не всегда украшает, иногда понравившегося мужчину не мешало бы привлечь сдобностью форм.

– А то как же. Всем комплиментам комплимент. Эх, мне б чуток похудеть, цены бы не было. – Она смачно шлепнула себя по ногам, приведя организм в длительный колебательный процесс.

– Лен, оденься, папа скоро вернется.

– Кстати, папа у тебя еще ничего, – мечтательно закатила глаза подружка, видевшая потенциальную жертву в каждом попадавшемся на жизненном пути мужчине.

– У меня и мама еще ничего, – напомнила Вика, и Ковальчук сникла, вяло подтвердив, что, мол, да, и мама тоже ничего. Как ни печально.

Папа у Виктории был тот еще ходок и выглядел для своего возраста бодрым плейбоем.

Как это часто бывает, со стороны жизнь семьи Цаплиных казалась идиллической. Полный достаток, молодые здоровые родители, красавица дочка, жить бы да радоваться. В каждой красивой истории есть свой шкаф со скелетом. Иногда, если копнуть поглубже, шкаф может оказаться не один, а скелетов наберется с батальон.

На самом деле никакой идиллии не было. Ловя завистливые взгляды соседней или обрывки восторженного шепотка, вот, мол, живут же люди, Вике мучительно хотелось заорать, что все не так. Ей не хватало обычной человеческой жалости, чтобы хоть кто-то понял, как все на самом деле ужасно. Папа, такой представительный, вальяжный и интересный, гулял по-черному, бил маму, иногда доставалось и Вике. Больше всего на свете она хотела выскочить замуж и уехать из этого кошмара. Пугало только одно: ее муж мог оказаться таким же тираном, как отец. Именно поэтому у Вики ни с кем из кавалеров не получалось ничего серьезного. Она подсознательно боялась повторить мамину судьбу. Вот так и металась между желаемым и действительным, не имея возможности с кем-нибудь поделиться болью.

– Может, мне проколоть что-нибудь для пикантности? – оторвала Вика от печальных раздумий Ленка. – А то я какая-то невыразительная.

– Ты невыразительная? – изумилась Виктория, многозначительно оглядев подружкины рельефы.

– Нет, по части мяса-то я очень даже выразительная, я в смысле пикантной детали какой-нибудь. В каждой женщине должна быть изюминка. Так вот тетка говорит, что я обычная.

– А что, идею про изюминку тебе тоже твоя тетка подала? – с сомнением протянула Вика, вспомнив Ленкину родственницу.

Софья Леонидовна была женщиной со странностями. Носила шляпки с вуалью и цветочками, глядела на мир восторженными голубыми глазами, резко контрастировавшими с пожелтой старческой физиономией, и была интеллигенткой на грани вменяемости. Своих детей у Софьи Леонидовны не было, а учитывая ее высокопарный слог и оторванность от современных жизненных реалий, можно было предположить, что и мужчин в жизни старой девы не имелось. После скоростной смерти Ленкиной матери тетка взяла на себя заботы о племяннице, пугая классного руководителя частыми визитами в школу и попытками повлиять на процесс становления личностей в подведомственном ему классе. Классный руководитель, Степан Семенович, был в меру пьющим и косноязычным. Он преподавал военное дело, поэтому, продираясь сквозь витиеватые обороты изысканной речи Софьи Леонидовны, он неизменно страдал и мечтал об одном: чтобы Ковальчук-старшая забыла дорогу в школу. Софья Леонидовна же норовила внедрить в сознание старого военрука мысль о необходимости введения в школьную программу предметов, призванных культивировать в девушках тягу к невинности, а у мальчиков – уважение к женской чести и достоинству. Округляя глаза, она подробнейшим образом живописала о том, как на школьном крыльце юноши распивают неизвестные напитки из жестяных банок, а девушки, о ужас, сквернословят прямо в стенах учебного заведения. И лично ее племянница докатилась до того, что красит в школу губы, ногти и подшивает юбку до непозволительно короткого состояния.

– Вы же педагог, вы должны с этим как-то бороться.

Степан Семенович, способный бороться только с похмельем, да и то безуспешно, потел, страдал и с глубочайшим облегчением выпроваживал выговорившуюся Софью Леонидовну.

Ленкину тетку знала вся школа, поэтому Вика и позволила себе усомниться в том, что Софья Леонидовна могла подать Ленке идею про изюминку.

– Не-а, тетка сказала, что если я сделаю пирсинг или татушку, у нее будет сердечный приступ.

– А зачем она тогда заявила тебе, что ты, как все? Ведь ясно же, что после такого замечания появляется жгучее желание хоть как-то выпендриться.

– Надеюсь, что я поверю и перестану подрезать юбки и вытягивать декольте, чтобы показать мужикам то, что якобы и так у всех есть. Есть, да не такое. У меня выдающееся. Но татушка на попе не помешает, мне кажется. И пирсинг тоже. Только я вот никак не могу решить, что проколоть: ухо или пупок?

– Язык проколи, – хихикнула Вика. – А помнишь Светку?

Они дружно расхохотались, поскольку Светку помнили не только они, но и вся округа. Светка была знаменита тем, что проколола нижнюю губу, вдев в нее здоровенный металлический бубенчик, в связи с чем начала уморительно пришепetyвать, искренне недоумевая, отчего все так веселятся. Убедить ее вставить украшение поменьше не удалось ни подругам, ни родителям, ни даже ее молодому человеку, которого Светкино нововведение отвлекало от поцелуев. Судя по его рассказам, даже по ночам Светка жалобно позвякивала, как потерявшаяся коза.

– Вот мне бы загореть не помешало, – переключилась на новую тему Ленка. – А то я какая-то совсем белая, неаппетитная. Лето не за горами, а я как невеста Дракулы. Мне бы загар пошел. Жаль, холодно в парке.

– Еще не хватало! – фыркнула Вика. – Если уж загорать, то в солярии.

– А деньги откуда? В смысле, у тебя-то ясно откуда – от папеньки, а мне пока зарплату не нарисовали.

– Лен, а ты не хочешь другую работу подыскать? Нельзя же всю жизнь маникюр-педикюр делать.

– Почему нельзя? – искренне удивилась не страдавшая излишним честолюбием Ковальчук. – Тем более что иногда маникюр на дому делают и мужчины. Есть шанс заинтересовать их своим талантом и прочими выдающимися особенностями.

– Да уж, – вздохнула Вика. – Тогда надо было курсы массажа заканчивать. И была бы ты массажисткой по вызову. Тут уж точно без разночтений: и маникюр делать не пришлось бы, и заработки другие, и вызывать тебя станут исключительно мужики.

– Ты меня оскорбить не пытайся, – нахохлилась Ленка. – Не всем везет на филфак пролезть. Я, может, тоже в университет хотела, только денег на взятку у моей тетки не хватило.

– Не надо меня стыдить. За деньги тоже дорого платить приходится, – туманно намекнула Вика. – Ничего просто так в этой жизни не дается.

– Я в курсе. Поэтому хочу замуж за богатого. И готова положить на голгофу семейной жизни свою молодость и красоту. В обмен на нормальную жизнь. И тогда я тебе стану делать маникюр бесплатно, по праздникам, в виде благотворительности, а не мотаться по всему городу, обслуживая чужих баб. Вообще, в школе как-то все проще было. Переходишь из класса в класс, и все за тебя уже решено. А тут миллион дорог, и какую ни выберешь – непременно ошибешься!

– Чего это тебя на философию потянуло? – удивилась Вика. – Умнеешь?

– Тоскую. А тянет меня не на философию, а в клуб. Мне почему-то кажется, что сегодня особенный день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.